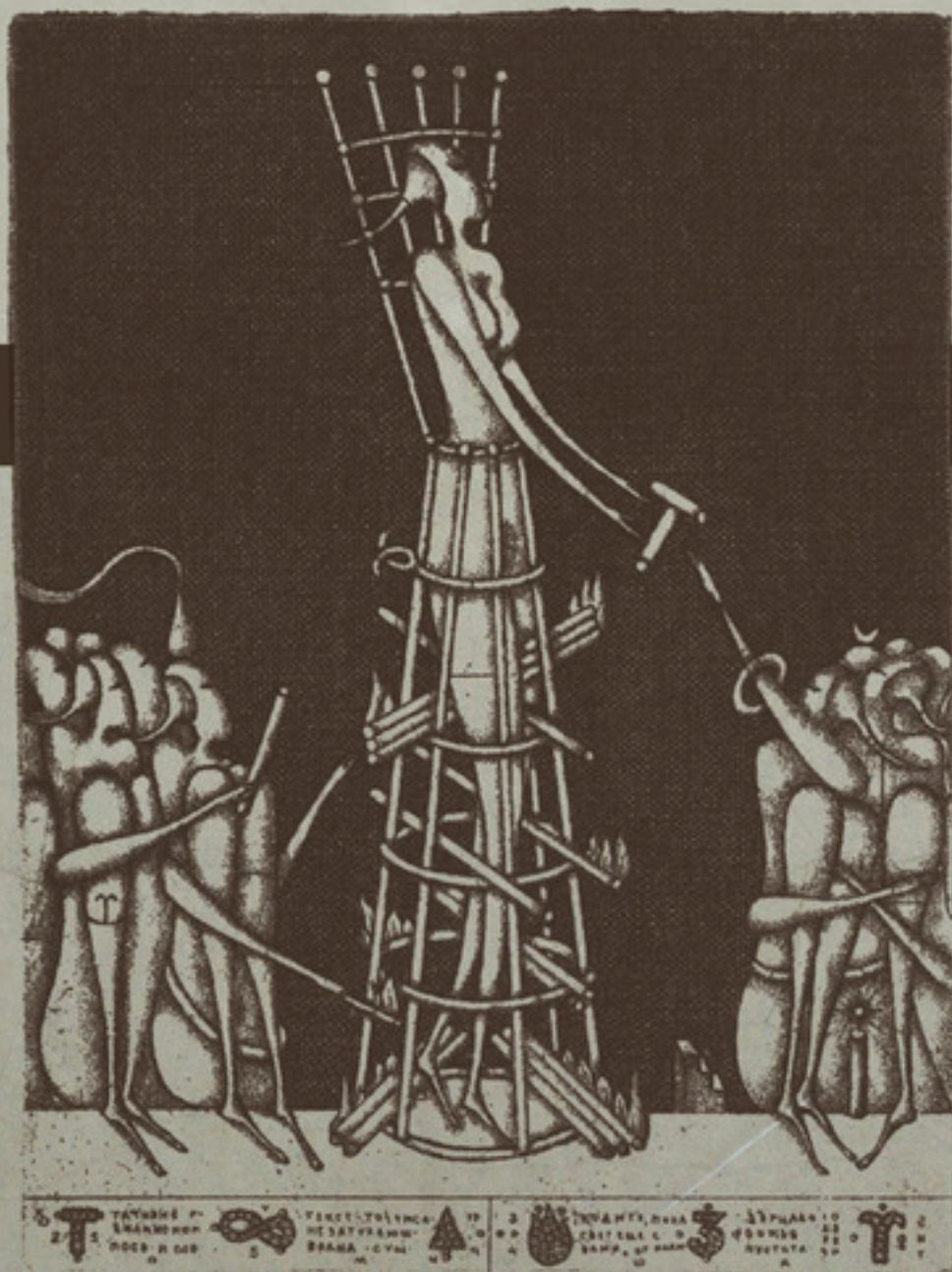

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ

ПОСЛЕДНЯЯ СРЕДА

ЖУРНАЛ

ТЕМА НОМЕРА ПРОШЛОЕ

№ 2 2013

Журнал «Последняя среда»

Коллектив авторов

**Последняя среда. Литература о
жизни (Тема номера: Прошное)**

«Э.РА»

2013

Коллектив авторов

Последняя среда. Литература о жизни (Тема номера: Прошное)
/ Коллектив авторов — «Э.РА», 2013 — (Журнал «Последняя среда»)

Наш журнал основан литературным клубом с аналогичным названием «Последняя среда», издательством «Э.РА» и Фондом поддержки независимого книгоиздания. Мы затеваем его, чтобы поговорить о вещах, которые считаем важными. Форма этого разговора – литературная. В жанрах эссе, критической статьи, обзора, рецензии, мемуара, наконец. В качестве иллюстраций мы будем печатать стихи и прозу. Тема номера «Прошное». Прошное — это мертвые и те, кто о них помнит. Без тех, кто помнит, нет прошлого.

Содержание

Итоги года. Субъективные заметки главреда	6
Антология	7
Фрагменты проекта «Свирепое имя родины»	7
Владимир Луговской. «Обыск сердца»	7
Николай Тихонов. «Жизнь под звездами»	10
Николай Ушаков. «Подробности времени»	12
Эдуард Багрицкий. «Я никогда не любил как надо»	15
Павел Васильев. «Русский азиат»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Последняя среда. Литература о жизни (Тема номера: Прошное)

Учредители:

литературный клуб «Последняя среда»

издательство «Э.РА»

Фонд поддержки независимого книгоиздания

Редакционная коллегия:

Андрей Пустогаров – главный редактор

Михаил Ромм

Сергей Долгов

Илья Трофимов

пишите: **stogarov@pisem.net** и вас обязательно прочтут

Итоги года. Субъективные заметки главреда

Истекший год прошел, как положено в колониальной стране: главным параметром для нас является цена нефти на лондонской бирже. До прочего нам, в общем-то, пока нет дела.

В остальном мире проблемы: Китай не работает с прежней интенсивностью, поэтому правящим кругам «цивилизованных стран» для сохранения уровня собственных доходов приходится сокращать потребление среди своих сограждан.

Главная задача мирового сообщества – не сказать об этом вслух.

Собственно, такая задача стоит уже давно – по крайней мере, лет двадцать. И действительно – пока из краника золотая струйка течет в твое ведерко, лучше вести себя тихо, а окружающих занять рассказами о чем-то хорошем и интересном, наняв для этого специально отобранных людей.

Не дай Бог завести разговор о чем-то содержательном.

Показательное событие случилось в современной науке, хотя внимания к нему не привлекали: Большой адронный коллайдер закрылся до 2015 года. Я думаю, после открытия бозона Хиггса, которое позволило определить размер нашей Вселенной – она оказалась величиной с футбольный мяч – это весьма разумное решение.

Постепенно все спустят на тормозах. Хорошо бы заодно отправить в мусорный ящик и все прочие черные дыры, теории относительности, уравнения Максвелла, теорию гравитации Ньютона, вирусы СПИДа и т. п.

Есть надежда, что после этого смогла бы развиваться наука, которая сейчас занимается различными вариантами состыковки компьютера с мобильным телефоном.

Перейдем к культуре.

Существует ли сейчас кино?

Во всяком случае, есть братья Коэны, Вуди Аллен и Лео Каракас.

Если этого достаточно, то, значит, кино существует.

Существует ли сейчас музыка?

Я не встречал. Во всяком случае, в этом году.

Что касается литературных событий, то я в истекшем году отметил целых три.

Первое: премию «Поэт» получил действительно значительный русский поэт Евгений Рейн.

Второе: российское издательство выпустило в переводе на русский роман Сергей Жадана «Ворошиловград».

Роман отмечен присутствием смысла, вещи, которая почти полностью отсутствует сейчас в русской литературе. (Смысл – это то, что нужно сейчас или будет нужно в будущем; не имеет смысла то, что было нужно когда-то. А без смысла текст разваливается с первой фразы). Жадан пробует найти социальный смысл, то есть пригодный не только для него одного. Смысл этот, извините за тавтологию, в осмысленной жизни в своей стране. За что, конечно, приходится бороться с теми, кто хочет все побыстрее из нее сплавить.

Третье: книга рассказов Юрия Нечипоренко «Смеяться и свистеть». О ней мы скажем ниже.

Ну, вот и все.

В ближайшее время лучше не будет.

Антология

Фрагменты проекта «Свиристое имя родины»

Мы публикуем фрагменты проекта
Свиристое имя родины
Антология поэтов сталинской поры

(В полном виде он выложен на интернет странице <http://stihi.ru/avtor/ntologia>)

Владимир Луговской (1901–1957) «Обыск сердца»
Николай Тихонов (1896–1978) «Жизнь под звездами»
Николай Ушаков (1899–1973) «Подробности времени»
Эдуард Багрицкий (1895–1934) «Никогда не любил как надо»
Павел Васильев (1910–1937) «Русский азиат»
Сергей Марков (1906–1973) «Прощание с язычеством»
Михаил Светлов (1903–1964) «Парень, презирающий удобства»

Приложение

Борис Пастернак «В дыму подавленных желаний»
Осип Мандельштам «Учить щебетать палачей»
Анна Ахматова «Эта женщина одна»

Сталинская эпоха – основное содержание лучших стихотворений семи поэтов, собранных в этой антологии. Пыль, порох, трупный дух и запах кожаной портупеи впитали поры этих стихов – поразительных, жестоких, некрофильских. Хочется назвать их эротичными, но не эрос, а танатос чувствовали поэты во всех своих поцелуях. Физически эпоха убила только одного из них – Павла Васильева в 37-ом (и в его 28). Пятерых она проволокла под своим льдом и выпустила наружу. После сталинских сумерек они, казалось, зажмурились даже в тусклые хрущевские и брежневские времена. Их «хищный глазомер» был сбит и не настроился снова. Но людоедская сталинская эпоха позволила им высказаться откровенно и без обиняков. Слишком откровенно даже для нее – стихи эти и в те годы, не говоря о нынешних, были не на виду. «За гремучую доблесть грядущих веков» согласились заплатить они воображаемой своей и реальной чужой смертью, но застыли в ужасе от воплощения мечты. Стихи их балансируют на грани трагического катарсиса. Они – неотъемлемая часть русской поэзии, те ее корни, что «рылись в золоте и пепле».

В приложении стихи трех великих русских поэтов – современников сталинской эпохи. Они эту эпоху преодолели, заплатив каждый свою цену. Только они, преодолевшие, и могут ее судить.

Владимир Луговской. «Обыск сердца»

Владимир ЛУГОВСКОЙ (1901–1957)

Родился в 1901-ом, чтобы достичь призывного возраста как раз к началу гражданской войны. Юноша из очень интеллигентной московской семьи поступает в университет и почти сразу отправляется служить в Полевой контроль Западного фронта – то есть в бывшую воен-

ную контрразведку. Затем – следователь Московского угрозыска, курсант Военно-педагогического института. Входит в литературную группу конструктивистов – после хаоса мировой и гражданской войн неудержимо влекла недвусмысленность механических конструкций:

«Сознание становится обузой,
А счастьем – жилистый подъемный кран,
Легко несущий грузы».

Но эпоха в очередной раз разворачивалась, как стрела крана: в 1930-м Луговской успевает загодя, до ликвидации в 32-ом всех литературных групп и ассоциаций и создания единого Союза Писателей, перейти в наиболее «правильный» РАПП. О своих бывших друзьях-конструктивистах напишет:

«Вы пускали в ход перочинные ножи,
А нужен был штык, чтоб кончить прения».

Подпись Луговского появляется под письмом с требованием «принять меры» к Павлу Васильеву. В 31-ом едет в Среднюю Азию «на ликвидацию басмачества», в 39-ом участвует в «освободительном» походе на Западную Украину и Западную Белоруссию. Его словно тянуло в «горячие точки». Возможно, он все время что-то хотел доказать себе, и права была Ахматова: «Луговской по своему душевному складу скорее мечтатель с горестной судьбой, а не воин».

В первые дни войны с Германией в очередной раз едет на фронт. Эшелон попадает под бомбежку, контуженный Луговской выбирается из вагона, затем из окружения и возвращается в Москву.

Осенью 41-го с парализованной матерью уезжает в эвакуацию в Ташкент. Болезнь после контузии, тяжелая смерть матери, алкоголизм, любовная драма – в Ташкенте Луговской пишет лучшую свою поэму «Алайский рынок». С его «приступочки у двери» встали в свое время Рейн и Бродский.

После войны преподает в Литературном институте, опять ездит по стране. Неожиданно откровенно звучит строка из его предсмертной автобиографии: «До сих пор для меня пограничная застава – самый лучший, самый светлый уголок моей великой Родины».

Дорога

Дорога идет от широких мечей,
От сечи и плена Игорева,
От белых ночей, Малютиных палачей,
От этой тоски невыговоренной;
От белых поповен в поповском саду,
От смертного духа морозного,
От синих чертей, шевелящих в аду
Царя Иоанна Грозного;
От башен, запоров, и рвов, и кремлей,
От лика рублевской троицы.
И нет еще стран на зеленой земле,
Где мог бы я сыном пристроиться.
И глухо стучащее сердце мое
С рожденья в рабы ей продано.
Мне страшно назвать даже имя ее —

Свирепое имя родины.

1926

* * *

Опять идти. Куда?
Опять какой-то мол в тяжелом колыханье.
Сутулые бескровные суда
И плеск, и перехлест морской лохани.
Так странные проходят города,
Порты и пристани с курганами арбузов,
Амбары, элеваторы и маяки,
Гречанки, взглядывающие из-под руки,
Домов рассыпанные бусы.
Жизнь переходит в голубой туман,
Сознание становится обузой,
А счастьем – жилистый подъемный кран,
Легко несущий грузы.

1926

Певец

У могилы Тимура, ночью,
сидели мы и курили,
Всеми порами тела
ощущая уход жары.
Плакали сычики,
хлопали мягкие крылья,
Как водяной ребенок,
во тьме лепетал арык.
Странник, никому не нужный,
тень, отражение тени,
Поднимал к зеленому небу
зверячий голосок.
Деревянная сила усталости
скрипела в его коленях,
Между ступней и подошвой
потел путевой песок.
Века, положившие буквы
на камне и на бумаге,
От папиросных вспышек
отшатывались прочь.
Но глиняный мрак могилы
и медленный вой бродяги
Слитно пересекали
поистине мощную ночь.
Вот странник, привыкший рассказывать,

человек, владеющий песней,
Он ходит среди народа
и жалит, словно оса.
Сердце его покрыто
старой могильной плесенью,
Которая в полночь рождает
винтовки и чудеса.
Тень, отражение тени,
ноет в бездумье хмуром,
Широкую рвань халата
раскачивая без конца.
Требуя справедливости
и помощи у Тимура,
Мясника позабытых народов,
хромононого мертвеца.
Большие старые звезды
седой осыпали купол.
Месяц застыл в полете,
мир начинал светать.
Вой оборвался кашлем,
и ночь опустила скупое
Легкий ветер нагорий,
настоянный на цветах.
Тут ничего не поделаешь —
старик уже вызвал Бога.
Он движется толчками,
от ярости чумовой.
Он будет петь о восстаньях,
безжалостный и убогий.
Он где-нибудь попадется,
и мы расстреляем его.

1929

Николай Тихонов. «Жизнь под звездами»

Николай ТИХОНОВ (1896–1978)

Название первой книги Тихонова «Жизнь под звездами» *post faktum* звучит, как невольное пророчество. Хотя эти первые звезды – не кремлевские рубиновые (тех еще не было), а настоящие. У книги подзаголовок – «Из походной тетради»: в Первую мировую Тихонов служил в гусарском полку, гордился участием в кавалерийской атаке. Ранние книги «Орда» и «Брага» – продолжение традиции Киплинга – Гумилева на «революционном материале». В 20-е проявил себя и как талантливый прозаик. В тридцатые становится правильным советским писателем, издающим правильные стихотворения на правильные темы. Последний его взлет – стихи 34–37 годов о парижской любви. Не брезговал прямой лестью кремлевским вождям, но знал, что более ценится завуалированная, например, стихи о родине Сталина – Грузии. Несмотря на это считается, что от ареста его спасла финская война. Во время Второй мировой находился в блокадном Ленинграде. Потом получал все больше Сталинских премий, писал все

понятнее и хуже. Перед смертью вернулся на круги своя – прочел по радио запрещенные в Советском Союзе стихи Гумилева.

* * *

Длинный путь. Он много крови выпил.
О, как мы любили горячо —
В виселиц качающемся скрипе
И у стен с отбитым кирпичом.

Этого мы не расскажем детям,
Вырастут и сами все поймут,
Спросят нас, но губы не ответят,
И глаза улыбки не найдут.

Показав им, как земля богата,
Кто-нибудь ответит им за нас:
«Дети мира, с вас не спросят платы,
Кровью все откуплено сполна».

1921

Саволакский егерь

На холме под луною он навзничь лег,
Шевелил волоса его ветер,
Ленинградский смотрел на него паренек,
Набирая махорку в кисете.

Не луна Оссиана светила на них,
И шюцкора значок на мундире
Говорил, что стоим мы у сосен живых
В мертвом финском полуночном мире.

Егерь был молодой и красивый лицом,
Синевою подернутым слабо,
И луна наклонилась над мертвецом,
Как невеста из дальнего Або.

Паренек ленинградский закрутку свернул,
Не сказал ни единого слова,
Лишь огонь зажигалки над мертвым сверкнул,
Точно пулей пробил его снова.

1940

* * *

Никаких не желаю иллюзий взамен,
Будто ночь и полуночный час,
И один прохожу я по улице Ренн
На пустынный бульвар Монпарнас.

Под ногами кирпичный и каменный лом,
Спотыкаясь, блуждаю я здесь,
И на небе, что залито черным стеклом,
Ничего не могу я прочесть.

«То ошибка! – я ночи кричу. – Ведь она
Не в Помпее жила, это ложь,
Так зачем этот мрак, не имеющий дна,
Этот каменный, пепельный дождь.

О, не дай же ей, ночь, погибать ни за что,
Разомкнись и ее пожалей,
Беспощадной, светящейся лавы поток
С пикардийских вулканных полей».

(1937–1940)

Николай Ушаков. «Подробности времени»

Николай УШАКОВ (1899–1973)

Самый некроважный из поэтов этой книги.

Выпускник Первой гимназии города Киева.

В Киеве с 1917 по 1920 год пережил восемнадцать кровавых смен власти. Потом голод 20–21-го годов. Уставший от смертей, глаз Ушакова остановился на «второй природе» – подробностях индустриального мира, который мог бы навеять покой, как некогда булгаковская «лампа под зеленым абажуром». «Адмирал землечерпалок», «Горячий цех», «Университетская весна» должны были прийти на смену «Перенесению тела...», «Войне» и «Дезертиру» – Ушакову хотелось как-то обжить свою неуютную эпоху. Но получалось плохо: простой счетовод уходил из дому, чтобы не вернуться – «и уже заходят управдомы сургучами комнату пятнать», цинковый гроб поэта грузили на поезд – «пылен и пуст товарный вагон», летний отпуск прерывало начало войны.

Другая тема Ушакова – «маленький» человек среди войн и революций. Беженец или солдат – по обе (чаще по ту) стороны фронта.

Все равно смерть оказалась самой массовой подробностью нового времени.

...Он дожил до поры, когда за хорошие стихи перестали убивать. Но сам уже не поверил в это...

ТРИ ЗИМЫ

1

Трубит пурга
в серебряный рожок,
как стрелочник на запасных путях.

И, холодом лазурным
обожен,
в перекати-снегах
трещит будяк.

И, может быть,
в сухое серебро,
на самый край
чешуйчатой земли,
угрюмые налетчики Шкуро
хорунжего
на бурке
унесли.

И что им делать в воздухе таком:
ломать щиты в высоких штабелях,
на паровоз идти за кипятком
или плясать
с метелью «шамия»?

Зевает лошадь,
вытянув губу,
дымит деревня,
к ночи заалев.

С свечой в руке
лежит джигит в гробу.
Хозяйка
вынимает
теплый хлеб.

1929

Дезертир

Познав дурных предчувствий мир,
в вокзальных комнатах угарных
транзитный трется дезертир
и ждет облавы и товарных.

И с сундучка глазком седым
на конных смотрит он матросов
и, вдруг устав,
сдается им
и глухо просит
папиросу.

И зазвенел за ним замок.
И с арестованными вместе
он хлещет синий кипяток

из чайников
тончайшей жести.
Пайковый хлеб
лежит в дыму,
свинцовые
пылают блюда, —
он сыт,
и вот велят ему
фуфайку снять
и скинуть бутсы.

Свистят пустые поезда,
на полках —
тощая бригада.
Над мертвецом висит звезда,
и ничего звезде не надо.

1929

Беженцы

На пашне
и в кустах смородины,
уже предчувствуя неладное,
они собирали
пепел родины
и на груди
хранили ладанки.

И, завтрак при лампадке комкая,
глазел прожектор неприятеля.
Они бледнели над котомками
и лошадей в оглобли пятили.

Теснились,
и неслись,
и падали.

И ночь текла,
как бы слепая,
над миром
фур,
канав и падали,
косые звезды рассыпая.

И ночь пальбой над полем охала,
горя серебряным и розовым.
Они по рельсам шли
и около
за угнанными паровозами.

И в заморозки при кострах,
на запасном пути,
тоскуя,
они бездомный гнали страх
и дружбу приняли мирскую.

Когда неслись дымки вечерние
в буфете III-его
над баками,
все чайники
и все губернии
им стали близки
одинаково.

1924

Эдуард Багрицкий. «Я никогда не любил как надо»

Эдуард БАГРИЦКИЙ (1895–1934)

«Поэт ждал революцию всей душой», – слышали мы в школе. Багрицкий ждал революцию прежде всего как революцию сексуальную. Для провинциального «книжного мальчика», страдающего астмой, она казалась осуществлением эротических грез. Грезы эти, как всякие грезы, – болезненные, извращенные и – дыхание эпохи – кровавые. Революция манила, как месть несовершенному миру, как расплата за прошлое:

«И Стенька четвертованный встает
Из четырех сторон. И голова
Убитого Емельки на колу
Вращается, и приоткрылся рот,
Чтоб вымолвить неведомое слово».

В другом ракурсе, хоть и не менее откровенно, эта расплата описана в финале поэмы «Февраль».

Подавленные желания и болезнь отзывались в стихах о буйстве плоти и о ее же закланиях и принесениях в жертву. Стихи эти, пожалуй, вернее всего выразили советский культ силы и плодородия.

До тридцати лет жил в родной Одессе. В 25-ом перебирается в тогдашнее Подмоскovie – Кунцево. В 32-ом пишет свое самое извращенное произведение – «Смерть пионерки», входившее во все советские школьные программы. С ней может сравниться разве что завет Дзержинского из стихотворения «ТВС»:

«Но если он скажет: «Солги», – солги.
Но если он скажет: «Убей», – убей».

Получает некоторые знаки признания от советских вождей. В феврале 34-го, еще в «безпенициллиновую» эру, умирает от четвертого в своей жизни воспаления легких.

ЭПОС

До ближней деревни пятнадцать верст,
До ближней станции тридцать...
Утиные стойбища (гнойный ворс),
От комарья не укрыться.
Голодные щуки жрут мальков,
Линяет кустарник хилый,
Болотная жижа промежду швов
Вьедается в бахилы.
Ползет на пруды с кормовых болот
Душительница-тина,
В расстроенных бронхах
Бронхит поет,
В ушах завывает хина.
Рабочий в жару.
Помощник пьян.
В рыбозаводе холод.
По заболоченным полям
Рассыпалась рыба молодь.
«На помощь!»
Летит телеграфный зуд
Сквозь морок болот и тленье,
Но филином гукает УЗУ
Над ящиком заявлений.
Из черной куги,
Из прокисших вод
Луна вылезает дыбом.
...Луной открывается ночь. Плышет
Чудовищная Главрыба.
Крылатый плавник и сазаний хвост:
Шальных рыбоводов ересь.
И тысячи студенистых звезд
Ее небывалый нерест.

О, сколько ножей и сколько багров
Ее ударят под ребро!
В каких витринах, под звон и вой,
Она повиснет вниз головой?

Ее окружает зеленый лед,
Над ней огонек белесый.
Перед ней остановится рыбовод,
Пожевывая папиросу.
И в улиц булыжное бытие
Она проплывет в тумане.
Он вывел ее.
Он вскормил ее.
И отдал на растерзанье.

1928,1929

Павел Васильев. «Русский азиат»

Павел ВАСИЛЬЕВ (1910–1937)

Почему Павел Васильев – поэт сталинской поры? То, что он жил в эту пору, не делает его таковым автоматически. А то, что эта эпоха его убила, не дает оснований это отрицать. Она убила многих своих сыновей. Так почему же? Потому что ее дикость так же кружила ему голову, как иртышская степь и туркестанская пустыня, или как схватка между станицей и аулом за воду и соль. Принято считать сталинскую эпоху временем аскетическим. Но аскетизм этот был вынужденным. Сквозь него неудержимо прорывалась стихия языческого «телесного избытка» и «звериного уюта» мясников. Эта стихия «первобытной силой взбухала» в строчках Васильева. Эту стихию, которая и породила Сталина, во второй половине 30-х начал обуздывать крепнувший сталинский режим.

Родился Васильев в Зайсане, в казахстанских степях на границе с Китаем, в семье павлодарского учителя и дочери павлодарского купца. Детство прошло на «кривых пыльных улицах Павлодара». О себе рассказывал, что в юности был матросом на Тихом океане и золотодобытчиком на приисках. Начал публиковаться во владивостокских и хабаровских газетах. В 28-ом приехал в Москву учиться в литературно-художественный институт им. Брюсова. В поведении копировал своего кумира Сергея Есенина, но наступали уже совсем людоедские времена. В 32-ом был арестован по «делу «Сибирской бригады»», которая якобы пропагандировала фашизм и колчаковщину. Раскайвавшемуся Васильеву было назначено условное наказание. В 34-ом в «Правде» появляется статья озабочившегося литературными нравами молодежи Горького – «О литературных забавах», где применительно к Васильеву говорилось, что «от хулиганства до фашизма расстояние «короче воробьиного носа»». После этого Васильев был исключен из Союза Писателей. В 35-ом за драку с поэтом Алтаузенем отправлен в исправительно-трудовую колонию. В 36-ом возвращается в Москву. В 37-ом обвинен в терроризме и подготовке покушения на Сталина и расстрелян.

Бахча под Семипалатинском

Змеи щурят глаза на песке перегретом,
Тополя опадают. Но в травах густых
Тяжело поднимаются жарким рассветом
Перезревшие солнца обветренных тыкв.
В них накопленной силы таится обуза —
Плодородьем добротный покой нагружен,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.